

ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ

В поисках Алетейи

МОРАЛЬ КАК ПРОРЫВ К БЫТИЮ

А.А. ГУСЕЙНОВ

Широко распространено мнение, будто экономико-центрированный взгляд на мир со всепоглощающим культом денег и нацеленностью на потребительство есть следствие философского материализма, согласно которому бытие определяет сознание. Это мнение является глубоко ошибочным. Философия не отождествляет бытие с существованием, реальностью. Она, как говорил Гегель, вырастает из разрыва между внутренним стремлением и внешним миром и создает свой идеальный мир в противовес его реальному состоянию. Философия всегда рассматривала и себя, и действительность в перспективе духовного возвышения человека. Это относится ко всем направлениям и представителям философии, к материализму в такой же мере, в какой и к идеализму, к Платону в такой же мере, в какой и к Спинозе.

Бытие и сознание – предельные понятия, к которым приходит философия в своем стремлении охватить мир в целом: не просто описать его, сказав, чем является мир сам по себе, а выявить такую внутреннюю целостность мира, которая имела бы для человека обязывающий смысл. Исключительно важно иметь в виду, что бытие и сознание суть два измерения не только мира в целом, но и самого человека. Философия не ограничивается их неизбежным в рамках гносеологического анализа противопоставлением. Для нее, конечно, важно решить, что чему предшествует: бытие сознанию или сознание бытию. Но еще более важно выяснить, как человек в качестве мыслящего, разумного существа может овладеть бытием, правильно выстроить свое отношение к нему.

Философские модели мира всегда были этически ориентированными. Заключенные в них принципы бытия и познания получали продолжение в принципах долженствования. Даже в акцентированно материалистических учениях, в которых сознание рассматривалось как нечто вторичное, производное по отношению к бытию, оно становилось исходным, первичным тогда, когда речь шла о деятельности человека, его поведении и нравственных уси-

лиях. Как, в какой мере внешний мир зависит от сознания, в том числе и в первую очередь от наших ценностных предпочтений и сознательных целеустремленных усилий, как человек в качестве разумного существа может стать соразмерным благодати мира и противостоять его хаосу — это всегда было центром напряжения и основным фокусом внимания философии.

Человек — существо брэнное, конечное и случайное; законы природы не делают для него никаких исключений. Когда человека называют песчинкой, затерявшейся в просторах Вселенной, то это больше, чем поэтический образ. Это констатация очевидной хрупкости физического существования человека. Однако человек не хочет мириться со своей ничтожностью. Он стремится превзойти себя, стать другим. Он глубинно и вечно недоволен собой. Он находится в ситуации непрерывного становления, он все время в пути. Человек жаждет стать не просто лучше, он жаждет стать совершенным, тем, кто был бы свободен от самого желания стать другим. Он примеряет себя на божественную высоту. Человек крайне ограничен в своих физических возможностях, но его мысль и душевные порывы не знают ограничений.

Философия не просто фиксирует раздвоенность в человеке и не просто ограничивается тем, чтобы понять ее. Она стремится преодолеть ее, найти пути, по которым душа может воссоединиться с телом, а сознание — с бытием. Философский взгляд на человека, в отличие от всякого другого (экономического, медицинского, спортивного, культурологического и т.д.), состоит в том, чтобы взглянуть на него в перспективе бесконечности и вечности мира. Говоря иначе, в философии и через философию человек соизмеряет себя с бесконечностью и вечностью мира. Это достигается в рамках познавательных и нравственных усилий, основанных на соотношении, противопоставлении и соединении бытия и сознания. «Человек есть мера всех вещей», — говорит Протагор. Ему через 2500 лет вторит Хайдеггер: «Человек — пастух бытия». В этих утверждениях хорошо выражен философский масштаб человека, или, что одно и то же, человеческий масштаб философии.

Путь, который избрала философия, чтобы решить проблему человека, является сугубо героическим. Философскому сознанию европейского человека предшествовало героическое сознание. Античные герои, как их описал Гомер, были потомками людей и богов. В своих сокровенных желаниях они отождествляли себя со своей божественной половиной и стремились походить на богов. Они многого могли добиться, но оставались смертными, как и их человеческие предки. Эта преграда, желание преодолеть ее и невозможность сделать это определили пафос их существования, в результате которого они стали героями. Если невозможно пере-

шагнуть смертную природу и стать богами в физическом смысле, то почему нельзя сравняться с ними в деяниях? Желание быть угодными богам и похожими на них в своих действиях, совершать большие, великие дела, которые живут намного дольше тех, кто их совершил, — вот что стало сутью героического этоса, двигало Ахиллесом, Гектором, другими героями.

На этом пути поиска заключенного в человеке бессмертного начала греческое сознание дошло до философии. И когда Платон говорил, что философия учит умирать, он имел в виду, что философия учит отделять бессмертную душу от смертного тела. Конечно, можно сказать, что раздвоенность человека, о которой говорилось выше, можно преодолеть не только на пути возвышения конечного до бесконечного. Существует еще и возможность принижения, низведения бесконечного к конечному. Да, она существует, но только как капитуляция. Потребительство, вещизм, возведенные в стратегию жизни, и есть такого рода капитуляция. Философия никогда, ни раньше, ни сейчас, не ступала на этот путь. Как медицина существует для того, чтобы лечить, хотя, случается, и залечивает, как наука существует для того, чтобы познавать истину, хотя, бывает, и заблуждается, так и философия существует для того, чтобы направлять человеческую жизнь ввысь.

Идя на неизбежный риск огрубления, можно выделить два основных типа активности, направленных на то, чтобы человек мог «прорваться» к бытию. Это созерцание и практика. Созерцательное отношение к миру было характерно по преимуществу для ранних этапов философии. Чтобы понять, о чем идет речь, надо учитывать одно различие. Философы различали бытие и наличное бытие, или неизменную сущностную основу мира и его видимую, изменчивую, вещную оболочку. Они полагали, что «пробиться» от наличного бытия к бытию, добраться сквозь изменчивую случайность вещей до глубинной сущности мира можно только через познающий и управляющий поведением индивидов разум.

Предельно лаконично это выразил Парменид, сказав, что быть и мыслить — это одно и то же. Созерцательный идеал получал разную трактовку в разных философских учениях. Но он всегда был связан с познавательной, исследовательской активностью разума и предполагал опосредованное разумом духовно-нравственное преображение индивида. В Новое время, наряду с миросозерцающим отношением к действительности, реализуемым во внутреннем плане человеческой жизни, возникает миропреобразующее отношение, когда человек берется переструктурировать, переделать вещный мир, само наличное бытие так, чтобы оно сомкнулось с бытием, стало воплощением идеальных устремлений самого человека. Бытие стало пониматься как практика. Философия сделала ставку на науку, технику, инже-

нерию, конструирование действительности в соответствии с собственными целями человека, включая господство над окружающей природой и переделку им своей физической природы. На этом пути были достигнуты колоссальные успехи. Можно упомянуть, например, мобильный телефон, компьютер, нанотехнологии, многие другие достижения, каждое из которых в отдельности превосходит все чудеса и фантазии прошлого. А все они вместе взятые просто не укладываются в человеческом воображении! Тем не менее, вступив на путь переделки мира, человечество не достигло того райского состояния, на которое оно рассчитывало. Люди не стали счастливыми. Может быть, они даже не стали счастливее. Оказалось, что увеличивая скорости, мы достигаем только увеличения скоростей. Добывая нефть и газ, мы добываем только нефть и газ. Умножая материальное благополучие, мы умножаем только материальное благополучие. Ничего более. Государство придумывает все новые хитрости, прослушивает и просвечивает все вдоль и поперек, скоро, может быть, научится считывать намерения с мозговых процессов, но все это не ведет к уменьшению преступности.

Сегодня уже всем ясно, что через внешний мир человека нельзя проникнуть в его внутренний мир. Более того, оказывается, что человек, намереваясь обрести господство над вещами, на самом деле стал их рабом. Похоже, что тот тип философской активности, который сводит бытие к практике, исчерпал себя. Сейчас стоит вопрос о необходимости принципиально новой философской стратегии — такой, которая в своем фундаменте предполагает новое понимание проблемы бытия и сознания. В связи с этим могу высказать только некоторые предположения. До настоящего времени бытие и сознание рассматривались как противоположности или разные выражения одного и того же. А нельзя ли истолковать их как ступени одного процесса и рассмотреть их таким образом, что бытие получает продолжение в сознании? Оно не выражается или отражается, а расширяется в нем. В таком случае мы уже можем говорить о духовной реальности, духовном бытии не в переносном, фигуральном, а в прямом и высоком смысле. Речь, по-видимому, идет о радикальном изменении всей ценностной структуры человеческого существования; не о том, например, чтобы ограничить потребление, придать ему более умеренный, разумный вид, а о том, чтобы вообще поставить его под сомнение и вытеснить из пространства достойного человека существования.

Все эти утверждения, конечно, носят предварительный и неточный характер, они могут быть ценны только интуицией, которая скрыта за ними и которая говорит мне о том, что философские вызовы, перед которыми оказалось человечество в настоящее время, значительно более глубоки, чем мы это осознаем.